

© 1994 г. Р.И. РОЗИНА

КОГНИТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ТАКСОНОМИИ. КАТЕГОРИЗАЦИЯ МИРА В ЯЗЫКЕ И В ТЕКСТЕ

1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Оглядываясь назад, сейчас уже можно утверждать, что конец 70-х–80-е гг. ознаменовались в отечественной лингвистике выраженным интересом к тому типу отношений между словами, который Дж. Лайонз назвал гипо-гиперонимическим. Целый ряд исследователей видел свою задачу в разграничении различных типов отношений в рамках гипо-гиперонимии (синонимом для которой были термины “отношения таксономического типа” или “иерархические отношения”); в частности выделялись такие отношения, как “вид–род”, “элемент–класс”, “подмножество–множество” и под. (обзор и критический анализ основных направлений исследования представлен в работе [1]). Однако практически ни в одном исследовании не задается вопрос о том, насколько отношения иерархического типа действительно распространены в языке и вообще имеют ли они языковой характер. Авторы различных исследований делают по поводу этих отношений прямо противоположные утверждения: либо так же, как Лайонз, считают их одним из самых распространенных в языке типов семантических отношений; рассматривают их как единственный тип отношений, возможных между единицами одного класса, как это делает Э. Рош; либо, наоборот, считают, что эти отношения не так уж широко распространены ([2; 3], где отмечается, что во многих случаях отношения, представленные в тезаурусах как иерархические, т.е. гипо-гиперонимические “не являются ни привычной для нас гипо-гиперонимией, ни синонимией, ни антонимией”). В работе Н.А. Рюминой [4] вообще высказывается сомнение в распространенности иерархических отношений между именами в языке. На основании эксперимента по свободной классификации конкретной лексики делается заключение о том, что вопреки ожиданиям, взрослые испытуемые редко прибегают к категориальной классификации, в которой используются имена классов. По данным Н.А. Рюминой чаще встречаются классификации слов на основании общности функции их референтов или сосуществования их референтов в пространстве или в ситуации [4, с. 9, 12, 14]. Высказываются также предположения, что употребление имен классов зависит от стилей и жанров речи: так, Н.А. Рюмина считает, что имена классов малоупотребительны в разговорной речи, для которой свойственно заменять обозначения классов-универбы различными конструкциями [4, с. 12]. Кроме того, высказывается предположение, что в русском языке вообще немного универбов для выражения идеи класса [4, с. 13]. С.Е. Никитина указывает, что имена классов отсутствуют в фольклорных текстах [5].

В то же время в практике современной лексикографии принято отражать таксономические отношения – так в “Толково-комбинаторном словаре” последовательно указываются аргументы функции “Gener”; в базе данных “Предметные имена” семантического словаря “Лексикограф” при каждом имени приводится имя класса (см. об этом [6]).

Таким образом, целый ряд вопросов остается открытым: во-первых, вопрос о языковом характере иерархических отношений между именами; во-вторых, вопрос о реальной распространенности этих отношений в языке; в-третьих, вопрос о распро-

странности этих отношений в различных функциональных стилях и жанрах речи.

Что касается вопроса о языковом характере отношений типа “выше–ниже”, то ответить на него можно пока предварительно, рассматривая классы слов различных языков. Если бы эти отношения имели логический, а не языковой характер, членение слов на классы было бы универсальным по крайней мере для европейских языков, за которыми стоит общая культурная традиция, и наборы имен классов совпадали бы. В то же время известно, например, что во французском языке имеется общее имя, обозначающее мебель, предназначенную для сидения (*siège*); имя такого класса отсутствует в русском и английском языках. В пользу предположения о языковом характере иерархических отношений между словами говорят и факты существования лакун в иерархиях [7].

Второй вопрос, на который мы попытаемся ответить, – это вопрос о распространенности гипо-гиперонимических отношений в русском языке.

Известно, что прочие типы семантических отношений между словами (например, синонимия или антонимия) “работают” лишь на части словарного состава языка, причем способность лексем вступать в эти отношения, как правило, связана с особенностями семантики этих лексем. Например, отношения антонимии характерны для предикатных слов, называющих один признак объекта (ср. *нежность–грубость*) и не свойственны называющим полипризнаковые объекты идентифицирующим (конкретным) словам [8]. Поэтому, если отношения общего–частного имеют языковой характер, можно и для них сделать следующие предположения:

1. Область действия этих отношений в языке ограничена.
2. Способность слов вступать в отношения общего–частного определяется семантическими (а может быть, и какими-либо другими) характеристиками этих слов.

Эти предположения позволяют подойти к решению задачи данной работы – задачи определения того, какова реальная область распространения отношений общего–частного в языке.

2.0. ТЕХНИКА ДИАГНОСТИКИ ОТНОШЕНИЙ ОБЩЕГО–ЧАСТНОГО

Убеждение в распространенности отношений общего–частного в языке находит отражение в разбиении единиц на классы “сверху донизу”. Такие исследователи, как Калцолари и Эмслер, считают, что формой представления таксономической классификации слов являются словари: словарь позволяет построить сложную иерархию в виде ряда деревьев, где одно слово может принадлежать нескольким деревьям и возводиться к одной или нескольким вершинам разными путями и где, соответственно, существуют связи между отдельными частями разных деревьев.

При этом предполагается, что иерархические отношения между словами присущи языку изнутри, естественны для него, поскольку и традиционные словари, при создании которых не ставилось целью построение таксономии, на деле отражают ее: “структура словарной дефиниции является основой для построения таксономий как глаголов, так и существительных” [9, с. 92].

Убеждение в возможности разбиения слов на классы, возводящиеся даже не к нескольким, а к одной вершине, находит отражение в классификациях, построенных по типу “дерева Порфирия” [10], в частности, во многих тезаурусных классификациях лексики. При этом, однако, неизбежно смешиваются языковые и неязыковые принципы классификации слов и реалий.

Общепризнано, что если какие-либо парадигматические отношения имеют языковой характер, они обязательно получают отражение в синтагматике. Например, отношения антонимии реализуются в конструкциях противопоставления (*не..., а...*): *Он был не красив, а уродлив. Мне нужна не научная, а популярная книга о комнатных цветах.* В то же время подстановка слов в конструкцию противопоставления позволяет проверить, свойственно ли им вступать в отношение антонимии [8]. Для

того, чтобы избежать привлечения неязыковых значений о членении мира и проследить отношения общего-частного не на неязыковых объектах, но на единицах языка – словах, можно также использовать какие-либо конструкции, в которых реализуются эти отношения. В качестве такой конструкции может выступать конструкция ‘х, у и другие z’ (*Дрозды, зяблики и другие птицы*), предложенная Дж. Лайонзом и использованная для нахождения аргументов лексической функции Genet [11]. Ряд конструкций и других средств выражения отношения включения в языке перечислен в работе [12]. Это конструкции с выражением *один из*, сопровождающимся частицами *лишь, еще, только, тоже* (*Лишь ель, одна из всех деревьев, оставалась зеленой*); конструкция со словом *представитель* (*Лягушка – представитель класса земноводных*); предлог *среди* (*Среди животных зоопарка был и степной волк*); конструкции со словами *быть в числе, относительно к числу, быть в ряду, причислять к классу, включать в число* (*Волка следует включить в число животных, подлежащих охране от истребления*). Средством выражения отношений включения может быть также деепричастие *включая* (*Все звери, включая тигра, молчали*); знаки препинания – двоеточие, скобки или тире, выделяющие однородные члены, стоящие после обобщающего слова; вводные слова *например, в частности, в первую очередь, прежде всего, особенно, преимущественно*; слово *как* (*Такие деревья, как дуб, клен и т.д.*) [вернее, конструкция такой, как: “*Уж не инопланетяне ли подкинули нам такую экстравагантную игру, как шахматы*” (Арефьев А., Фомин Л. Баллада о космических пришельцах)]; слово *другой* (*Другой, не менее эффективный способ получения древесного угля...*).

В работах [13–15] для описания отношений общего-частного (в частности одного из видов этого отношения – родо-видового) предлагается использовать конструкцию с операторами *вид, сорт, тип*: ‘х, у и другие виды’ (*Ямб, хорей и другие виды стихотворных размеров*).

Отношения общего-частного реализуются и при замещении слова более узкого значения словом более широкого значения в связном тексте (“*Я остановился под самой толстой лиственницей, задрал голову. Мне показалось, что дерево, на котором где густо, где реденько бусила зеленоватая хвоя, плыло по небу, и сокол, приладившийся к вершине дерева, меж черных, словно обгорелых ишиек, дремал, убаюканный этим медленным и спокойным плаванием. На дереве было ястребиное гнездо, свитое в развилке между толстым суком и стволом*” (В. Астафьев. Земной поклон); “*Ошейник тигра замигал. Вульгарной походкой зверь направился в прихожую открыть двери и встретить посетителя*” (Г. Саркисян. Лошадь смеется).

Нам представляется целесообразным использовать именно способность слова более широкого значения замещать слово более узкого значения в связном тексте для определения области распространения отношения общего-частного в языке. Если для какого-либо слова х можно найти два предложения, в первом из которых употребляется данное слово, а во втором может употребляться либо данное слово, либо – вместо него – слово более широкого значения у, будем считать, что слова у и х находятся в отношении общего-частного. Например, *Вдалеке мы увидели волка. Зверь стоял совершенно неподвижно, прислушиваясь к чему-то*”.

Уверенность в правомерности такого экспериментирования основана на существовании фактов достаточно широкого употребления предложений, где кореферентные слова связаны отношениями общего-частного в текстах различных жанров и стилей. В прессе – “*Так повелось издавна: за участие в выращивании и уборке свеклы человек вознаграждается... с харапом, с харапом в чистом виде. Сдаешь государству центнер свеклы, – получи 250 граммов с хара - не с к а. И получают солидно. К примеру за год только в Курской области на руки в виде*

натуроплаты его было выдано 10300 тонн. На какие цели в основном был направлен *п р о д у к т* – объяснять не надо” (Крокодил, 1988, № 8, с. 3)]; в письмах [«Прочел в № 31 в рубрике “Вече на журнальной площади” письмо Я. Энтина о кооперативном *к а р т о ф е л е*. Абсолютно аналогичная картина у нас в Воронеже *с м я с о м*. Оно все кооперативное, да и то далеко не качественное: я, например, не верю в его “кооперативность”... ..Считаю, что затронутый мной вопрос о кооперативных *п р о д у к т а х* требует немедленного решения» (Крокодил, 1988, № 9, с. 2)]; в художественной литературе, в особенности в “средней” прозе, но могут встречаться и в поэзии – “Дом высился, как каланча. / По тесной лестнице угольной / Несли *р о я л ь* два силача, / Как колокол на колокольню. Они тащили вверх *р о я л ь* / Над ширью городского моря, / Как с заповедями скрижалей / На каменное плоскогорье. // И вот в гостиной и *н с т р у м е н т*, / И город в свисте, шуме, гаме, / Как под водой на две легенды, / Внизу остался под ногами” (Б. Пастернак. Музыка). Судя по материалам сборника “Разговорная речь” [16], хотя и реже (поскольку в повседневном общении вместо имен классов часто употребляются выражения типа *что на голову надеть, чем есть*: – Дай, что на голову надеть, Где у тебя чем есть”), замещение существительных более узкого значения существительными более широкого значения встречается и в разговорной речи (А. Вот эти *в о л н у ш к и* были собраны. К. Это *в о л н у ш к и* / да? А. Ну буквально за пятнадцать минут // М. Пятнадцать минут // А. (отвечает на вопрос К.) Да // Это только *в о л н у ш к и* // Г р у з д и в более крупной таре. М. Кирилл / знаешь / как вот нарочно посажены // К. Да? М. И ни ... никакого там нету // и одни эти *г р и б ы* // и под елкой / и под соснами... М. / взяв маленький гриб / Нет / я такие *г р и б у ш к и* люблю // К. А у нас... ..считается, что нынче мало было *г р и б о в* [16, с. 160–161]).

В чем преимущество использования способности слова к замещению словом более широкого значения в связном тексте для диагностики отношений общего–частного в языке перед использованием в этих же целях других известных (в частности перечисленных выше) конструкций или средств реализации этих отношений?

1. Использование теста на способность к замещению позволяет отказаться от традиционного представления о том, что отношение общего–частного возникает только при условии существования нескольких слов частного значения, с одной стороны, и слова более широкого значения – с другой. Ср., например, использование для описания отношений общего–частного конструкции ‘*х, у и другие z*’, которая предполагает обязательное перечисление хотя бы двух слов (*Зайцы, кролики и другие пушные звери*). Эта конструкция, так же, как и ряд конструкций, предложенных в [12], не учитывает тех случаев, когда в языке имя общего значения (или имя класса) соотносится только с одним именем частного значения (или с именем члена класса). Например, слово *дрезина* в русском языке соотносится со словом *автодрезина* – названий других видов *дрезин* в русском языке нет (см. об этом [17]), слово *почта* – только со словом *авиапочта* и т.п.

2. Использование теста на замещение позволяет избежать возникновения отношений предикации между словом более частного и словом более общего значений. Дело в том, что если слово более общего и более частного значения встречаются в рамках одного предложения, они, как правило, занимают позиции подлежащего и именной части составного именного сказуемого, ср. пример приводившийся выше: *Лягушка – представитель класса земноводных* или *Лягушка – земноводное*. При этом в позиции именной части сказуемого могут встречаться как слова более общей семантики, чем слова в позиции подлежащего, так и наоборот, слова, обозначающие какие-либо признаки подлежащего, т.е. слова более частного значения, не являющиеся именами классов. Ср., например, *П р я м о у г о л ь н и к – это такая геометрическая ф и г у р а*, у которой противоположные стороны равны и все углы составляют

90 градусов и *Эта фигура – прямоугольник*. Ср. также предложения типа *Мой сосед – турист и Турист – мой сосед* (см. [18]). При замещении же первым вводится существительное частного значения (как правило, в позиции ремы): *Если вы и увидите готовый полуфабрикат с фабричной упаковкой, то в ф о л ь г е*. Затем вводится замещающее слово более общего значения: *То есть именно в том м а т е р и а л е, который не пропускает высокочастотную энергию* (Моск. правда. 1986, 11 окт.).

2.1. ОККАЗИОНАЛЬНОЕ И УЗУАЛЬНОЕ ЗАМЕЩЕНИЕ

Проводя тест на способность слов к замещению в связном тексте, необходимо учитывать, что замещение может отражать действительно существующую в языке связь между словами, но может быть и контекстуально обусловленным, т.е. окказиональным (точно так же сочинительный союз может объединять имена членов, принадлежащих одному классу, например, *серебро и золото*, а может создавать окказиональные классы [19, 20]). Можно привести много примеров окказионального замещения: *На пути нам встретился густой лес. Препятствие казалось непреодолимым. перед нами было болото. Препятствие нужно было преодолеть во что бы то ни стало*. В словарных толкованиях слова *лес* (множество деревьев, растущих на большом пространстве) и слова *болото* (топкое место со стоячей водой) не используется слово *препятствие*. Можно трактовать замещение в данном и подобных случаях не как окказиональное, а как ситуативное: появление слова *препятствие* в тексте связано скорее не с замещением слов *лес* и *болото*, но с ситуацией, которая описывается наличием в этих предложениях слов *на пути встретился, перед нами было, непреодолимый, преодолеть*; слово *препятствие* связано поэтому со словами *лес* и *болото* не непосредственно, но через глагол *преодолеть*.

Сравни ситуативную обусловленность и связь с глаголом *изготавливать* слова *изделие*, замещающего слово *полотенце* в следующем примере: «Жительница г. Волгодонска Ростовской области О. Каширина, ни о чем таком не подозревая, приобрела как-то в магазине махровое п о л о т е н ц е, изготовленное ереванским ПО “Шушан”, заплатив за него всего 1 руб. 20 коп. Что же, цена умеренная. А покупательница считает даже, что непомерно мизерная. “Предлагаю этому ПО “Шушан” брать двойную плату за свое из д е л и е. Во-первых, как за полотенце, а во-вторых, как за сухие румяна» (Крокодил, 1988, № 9, с. 8–9).

Окказиональность появления слова *препятствие* в качестве замещающего для слов *лес* и *болото* доказывается и другим фактом. Как правило, замещающее слово может употребляться в связном тексте по нескольку раз: «Иногда в конопле появлялась п т и ч к а - м у х о л о в к а. ... М у х о л о в к а тихо дремала над лопухом. С листа катились и катились капли. Глаза п т и ч к и затягивало пленкой. Глядя на п т и ч к у я начинал зевать, меня пробирало ознобом, губы мои тряслись» (В. Астафьев. Последний поклон). Окказиональные слова-заместители не способны к такому употреблению, ср.: *Перед нами было болото. Препятствие казалось непреодолимым. *Препятствие было огромным и топким. *На поверхности препятствия время от времени всплывали пузырьки газа и тут же лопались. Но вполне приемлемо: Перед нами было болото. Препятствие казалось непреодолимым. Болото было огромным и топким. На поверхности болота кое-где всплывали пузырьки газа и тут же лопались. По-видимому, проверка на способность к повтору в связном тексте может использоваться для разграничения связей между словами, имеющими языковой характер, и связей окказиональных, возникающих в речи и обусловленных ситуацией и контекстом.*

2.2. ЗАМЕЩЕНИЕ СЛОВАМИ ШИРОКОЙ СЕМАНТИКИ

В роли слов-заместителей во многих случаях выступают такие слова, как *вещь, событие, явление, процесс*, ср.: *Я купила новое п л а т ь е. В е щ ь очень понравилась всем моим приятельницам; Он сыграл неизвестную прежде п ь е с у Шопена. В е щ ь произвела глубочайшее впечатление на всех присутствующих. Начался массовый п е р е л е т птиц. Это с о б ы т и е всегда волновало меня; Недавно состоялось у т в е р ж д е н и е Иванова на пост директора института. Это с о б ы т и е вызвало живой отклик у всех сотрудников; Впервые в жизни я наблюдал д е л е н и е к л е т о к. Этот п р о ц е с с был захватывающе интересным; Во многих странах мира перешли на п л а в л е н и е стали с помощью электричества. Это позволило значительно ускорить и удешевить п р о ц е с с.*

Суть отличия замещения словами типа *вещь, событие, явление, процесс* от замещения словами типа *дерево, зверь, растение* и др. – прежде всего в том, что слова *вещь, событие, явление, процесс* стоят на гораздо более высоком уровне абстракции, чем слова типа *дерево* и способны поэтому замещать значительно большее число слов самой различной семантики. Собственно говоря, слова *вещь, предмет, явление* не являются именами классов или подклассов реальных, они являются именами подклассов категорий существительных и выражают субкатегориальные значения последних (ср. с выделяемой Ю.С. Степановым группой имен высокой степени общности, стоящих выше заглавных слов группировок лексики в идеографических словарях, т.е. выше таких слов, как *одежда, мебель, животные* и под. Ю.С. Степанов называет имена, стоящие на самой высокой ступени иерархии, словарными метазнаками, или метаименами [21]. Сравни также класс слов, получивший название “металексика” в [22], члены которого задают “максимально обобщенные представления о типах реальных” и выделяются на основе специфики их функционирования в генитивной конструкции – *процесс перестройки, состояние покоя, статус независимости* и под.).

Различие слов-заместителей, принадлежащих разным уровням абстракции, отражается в их функционировании в тексте. Так же, как окказиональные слова-заместители, слова, выражающие субкатегориальные значения существительных, не способны к повторам в тексте, ср.: *Начался массовый п е р е л е т птиц. Это с о б ы т и е всегда волновало меня. *Во время подготовки к с о б ы т и ю птицы собираются небольшими стаями, кружат в небе, а затем сливаются во все большие и большие стаи, – при правильном: Во время подготовки к п е р е л е т у...*

Кроме того, отличие слов, выражающих субкатегориальные значения существительных, от других слов-заместителей выражается в различной способности к контактному/дистантному употреблению по отношению к замещаемым словам. “Настоящие” слова-заместители способны к дистантному по отношению к замещаемым словам употреблению в связном тексте, например: *Первыми прилетели г р а ч и. Весна была холодной. Часто лили дожди. По утрам на траве лежал иней. И все же п т и ц ы поступали в соответствии со своим внутренним календарем: вили гнезда. Лучшие всего было наблюдать за ними в старом приусадебном парке. П т и ц ы облюбовали здесь несколько деревьев, которые заселили в незапамятные времена.*

Слова широкой семантики, выражающие субкатегориальные значения существительных, не способны к дистантному употреблению по отношению к замещаемым словам, ср.: *Впервые в жизни я увидел с е в е р н о е с и я н и е, когда мне исполнилось восемь лет. Праздновали мой день рождения и поздно вечером вышли на улицу проводить гостей. *Это я в л е н и е потрясло меня. Все небо полыхало разноцветными отблесками. (При правильном: Впервые в жизни я увидел с е в е р н о е с и я н и е, когда мне исполнилось восемь лет. Это я в л е н и е*

по трясло меня). Слова широкой семантики замещают ближайшие к ним имена; ряд слов широкой семантики (*событие, факт, случай, происшествие, действие, процесс, состояние*) замещает не слова, а предложение, ср.: *По Ярославской области прошёл страшный ураган. Последствия этого события были катастрофическими; Весной принесли от нее письмо, и тихая радость охватила меня. Состояние это не покидало меня с этих пор ни на миг*. По-видимому, слова *событие, действие* и др. из этого ряда являются классификаторами не имен, а глаголов – одни прямо соотносятся с классами глаголов З. Вендлера (*действие – процесс–состояние*); слова же *событие, случай, происшествие* коррелируют с различными подклассами такой категории глаголов, как “происшествие” в классификации Е.В. Падучевой.

2.3. ЗАМЕЩЕНИЕ И ДРУГИЕ (НЕ ТАКСОНОМИЧЕСКИЕ) ТИПЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СЛОВАМИ

Замещение возможно не только при наличии гипо-гиперонимических связей между словами, но и при наличии некоторых других типов семантических отношений, в частности при синонимии (ср.: *Став машинисткой, я приобрела навык печатания вслепую. Это умение я не потеряла и в старости*) и метонимии (*Мне нужно было полоскать горло ромашкой. Я чуть-чуть подогрел настойку*). Кроме того, замещение возможно и при наличии отношения “часть–целое” (*Я дотронулся до ее рук. Пальцы были совершенно холодными*).

Очевидно, что одного теста на замещение недостаточно для отбора слов, связанных отношением общего–частного. Необходима дополнительная система тестов, позволяющих отделить от общего числа слов, способных к замещению, слова, связанные отношениями синонимии, метонимии и части–целого.

По-видимому, тестом, позволяющим отделить отношение общего–частного от отношения синонимии может быть тест на возможность пермутации. Для слов, связанных отношением синонимии, порядок следования в связном тексте безразличен, ср. допустимость изменения порядка следования синонимов в примере, приведенном выше: *Став машинисткой, я приобрела навык печатания вслепую. Умение это я сохранила на всю жизнь. – Став машинисткой, я приобрела умение печатать вслепую. Навык этот я сохранила на всю жизнь*.

Для слов, связанных отношением общего–частного, как уже указывалось выше, порядок следования жестко задан: вначале вводится слово частного значения, затем слово-заместитель более общего значения, например: *На ветке сидела синичка. Время от времени птичка начинала громко щебетать*. При изменении порядка следования требуется ввести еще одно предложение, указывающее на принадлежность объекта классу, например. *«На ветке сидела небольшая птичка. Судя по желтой грудке и черненькой “шапочке” на головке, это была синица. Время от времени птичка / синичка начинала громко щебетать»; Невдалеке мы увидели зверя. Когда мы подъехали ближе, оказалось, что это волк. Зверь / волк стоял совершенно неподвижно, как будто бы его несколько не беспокоило наше приближение*.

Кроме того, для разграничения отношения общего–частного и отношения синонимии может быть использован тест на сочетаемость с местоимением *это*. При замене слова частного значения словом более общего значения допустимо, а иногда и обязательно местоимение *это* “см. подробнее об этом ниже), например: *Он всегда ходил в свободной, подпоясанной веревкой рубашке. Эта одежда шла ему; Много лет назад на этой поляне были целые заросли ромашек. (Эти) цветы до сих пор росли здесь, но их стало значительно меньше*.

При синонимии употребление местоимения *это* недопустимо, ср.: *Нарушителя*

законов жизни города подвергли о с т р а к и з м у. *Эт о и з г н а н и е продолжалось три года.

В дополнение к сказанному можно отметить, что само по себе употребление синонимов в контактных предложениях связного текста воспринимается как стилистически неудачное, ср.: *Его повели в т ю р ь м у. О с т р о г был построен очень давно, стены его потемнели от дождей и ветров.* В то же время употребление в контактных предложениях слова частного, а затем слова общего значения вполне нормативно: *"И все же с а м о л е т Скелтона ветераны-балтийцы помнят. Испытал м а ш и н у в бою и при этом уничтожил фашистский транспорт, груженный военной техникой, Эрик Гентнер"* (Правда, 1985, 4 окт.); *"В Англии, правда, есть и свои любители у л и т о к, но их немного – в год здесь потребляют всего пять тонн этих м о л л ю с к о в"* (Наука и жизнь, 1987, № 8, с. 73); *"На карнизы садятся с и н и ц ы и заглядывают в окна, постукивают клювами по стеклу, смотря на меня черными бусинами. Пытаюсь глазами этих п т а ш е к с а м посмотреть на себя и никак не могу увидеть"* (Г. Семенов. Ум лисицы).

Для разграничения замещения слов, связанных отношением метонимии, и замещения слов, связанных отношением общего-частного, можно использовать тест на сочетаемость слова-заместителя с замещаемым словом: *Мне нужно было полоскать горло р о м а ш к о й. Я приготовил н а с т о й к у р о м а ш к и сразу на несколько дней; Он откупорил б у т ы л к у. В и н о оказалось превосходным. – Он откупорил б у т ы л к у в и н а. В и н о оказалось превосходным.* Для слов, связанных отношением общего-частного, на сочетаемость слова частного и слова общего значения налагается запрет, ср.: *В соседнем саду росла развесистая л и п а. *Дерево л и п а! *Дерево л и п ы летом заполняло сад совершенно необыкновенным ароматом цветения.*

П р и м е ч а н и е. При первичном употреблении в тексте возможны словосочетания типа *птичка мухоловка, трава чебрец*. Отличие их от словосочетаний типа *настойка ромашки*, прежде всего в том, что видовое имя в них стоит в именительном падеже; кроме того, такие словосочетания возможны, как правило, только если реалья, обозначаемая видовым именем (чебрец), малоизвестна; в противном случае словосочетание воспринимается как отмеченное, сравни пример из известного стихотворения Н. Заболоцкого: *"Меркнут знаки Зодиака / Над просторами полей / Спит ж и в о т н о е С о б а к а, / Дремлет п т и ц а В о р о б е й. ... Меркнут знаки Зодиака / Над постройками села, / Спит ж и в о т н о е С о б а к а, / Дремлет р ы б а К а м б а л а"*. (Н.А. Заболоцкий. Стихотворения и поэмы)¹. Сравни также употребление словосочетания *болезнь мигрень* в явно ироническом контексте. *"Начальник районного отделения милиции Кышнев, человек пожилой, многосемейный, страдавший д и м с к о й б о л е з н ь ю м и г р е н ь ю, любил приbedняться: "Мы люди маленькие, высокий замах не для нас. Пьяницу скрутить или жулика сцапать – вот наш скромный вклад в дело социализма"* (В. Тендряков. Параня).

Кроме того, при первичном употреблении в тексте возможны также сочетания имени более общего значения с именем более частного значения в родительном падеже, например, *куст черемухи/жасмина/сирени* и т.п. Однако, по-видимому, такие словосочетания ограничиваются списком слов, сочетающихся со словом *куст*.

Итак, для выявления пар слов, связанных отношением общего-частного в языке, помимо основного теста на способность слова к замещению словом более общего значения, должны использоваться дополнительные тесты на способность замещающего и замещаемого слова к пермутации, на сочетаемость замещающего слова с местоимением *это* и на сочетаемость замещающего и замещаемого слов в связном тексте. Эти дополнительные тесты позволяют отделить отношение общего-частного от других типов отношений, при которых также возможно замещение в связном тексте.

¹ Этот пример был подсказан автору С.И. Гиндиным.

3.0. ХАРАКТЕРИСТИКА СПИСКА СЛОВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ СПОСОБНОСТИ ВСТУПАТЬ В ОТНОШЕНИЯ ОБЩЕГО–ЧАСТНОГО

Для выявления пар или численно больших множеств слов, связанных отношением общего–частного, нами был проведен тест на способность к замещению в связном тексте случайной выборки слов из Словаря русского языка С.И. Ожегова (изд. 13-е). Анализировались слова с каждой десятой страницы словаря. Для каждого слова подбирались два таких предложения, которые допускали бы употребление слова более частного значения в первом предложении и более общего – во втором. При этом в качестве замещающего слова использовалось (если это было возможно) родовое имя из словарного толкования слова; в ряде случаев приходилось подбирать другое слово; наконец, встречались случаи, когда замещение не было возможно вообще. Для слов, допускающих замещение, были проведены дополнительные тесты, позволивших отделить группы слов, связанных отношениями нетаксономического типа (метонимическими, и отношениями “часть–целое”). В результате были получены два больших массива слов: слова, неспособные к замещению, т.е. не имеющие коррелятов более широкого значения, и слова, способные к замещению, т.е. вступающие с другими словами в отношения общего–частного.

3.1. СЛОВА, НЕСПОСОБНЫЕ К ЗАМЕЩЕНИЮ

Необходимо отметить, что способность/неспособность слова быть в отношении гипо-гиперонимии с другим словом может быть определена только при анализе употребления слова в связном тексте (даже если это, как в нашем случае, микротекст, состоящий из двух предложений). Словарная статья редко дает возможность определить реальность семантической связи гипонима и гиперонима в языке, так как в соответствии с лексикографической традицией почти во всех случаях в словарной дефиниции используется слово более широкой семантики (родовое имя, *genus*), чем толкуемое. Тестирование же часто показывает, что слово вообще не соотносится с другим словом более общего значения. Например, слово *улыбка* в словаре определяется через родовой термин “мимика”: *улыбка – мимика* лица, губ, глаз, показывающая расположение к смеху, выражающая привет, удовольствие, насмешку. Тем не менее, построить микротекст, в котором слово *улыбка* замещалось бы словом *мимика* невозможно: *На его лице появилась улыбка а.* **Мимика у заметили все, стоявшие рядом. От его мимик всем стало сразу легче.*

Слово *чай* толкуется через родовое имя “напиток”: *чай – напиток*, настоянный на таких [высушенных и обработанных] листьях.

И в этом случае замещение в связном тексте невозможно: *Она налила мне чай* **Напиток был удивительно душистым.*

При тестировании иногда оказывается, что слово соотносится с иным, чем в словарной дефиниции, родовым именем. Например, слово *крем* толкуется в словаре через “кушанье”: *крем – сладкое густое кушанье* из взбитых сливок, масла с шоколадом, фруктовым соком и т.п.

Через “кушанье” определяется и слово *пельмени*: *пельмени – кушанье* – род маленьких пирожков из пресного теста с мясом, употребляются в вареном виде.

Тем не менее, в связном тексте ни слово *крем*, ни слово *пельмени* не могут быть заменены словом *кушанье*: *На третье подали крем с орехами.* **Кушанье вызвало всеобщий восторг.* Но: *Десерт вызвал всеобщий восторг; Наконец на стол поставили дымящуюся миску с пельменями.* **Это кушанье всегда удавалось Марине.* Но: *Это блюдо всегда удавалось Марине.*

Множество слов, неспособных к замещению в связном тексте – т.е. с нашей точки зрения, не вступающих в гипо-гиперонимические отношения, чрезвычайно разнообразно и плохо поддается обобщению. Попытаемся, хотя бы на разных основаниях, выделить отдельные группы этих слов.

3.1.1. ФОРМАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ НЕСПОСОБНОСТИ СЛОВ К ЗАМЕЩЕНИЮ

Замещение в связном тексте невозможно, если замещаемое и замещающее слово является однокоренными, например: *На заводе было по несколько разнорабочих в каждом цеху. *Рабочие получали мало.* При таком употреблении в тексте однокоренных слов, даже если считать его допустимым с точки зрения нормы, второе предложение становится двусмысленным: неясно, кореферентны ли слова *разнорабочие* и *рабочие*, или же слово *рабочие* имеет собственный референт и обозначает всех рабочих завода (что представляется более вероятным).

Нижеследующие примеры иллюстрируют случаи абсолютной недопустимости употребления однокоренных замещающих и замечаемых слов в связном тексте: *В этом году участились случаи самосожжения узбекских женщин. *Сожжения были формой протекста против тяжелейшего быта, непосильной физической и психической нагрузки.*

Примечание. Безусловно, в данном случае слово *самосожжение* могло быть замещено словом *акт*: «Эти акты были формой протеста против тяжелейшего быта, непосильной физической и психической нагрузки». Однако слово *акт* относится к числу слов широкой семантики и поэтому не может считаться «настоящим» заместителем слова *самосожжение*.

3.1.2. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ НА СОЧЕТАЕМОСТЬ

Можно выделить несколько семантических групп слов, не допускающих замещения в связном тексте. Прежде всего, это большая группа предикатных имен, в которую, в частности, входят предикатные имена людей. Неспособность предикатных имен к замещению – и, соответственно, их неспособность вступать в отношения общего-частного с другими словами – следствие их неспособности иметь конкретную референцию, сравни: **Я увидел дрянь.* Найти какое-либо предложение, в котором слово *дрянь* замещалось бы каким-нибудь другим словом, невозможно; скорее, возможны случаи, в которых слово *дрянь* само выступает как заместитель целого ряда других слов (является обобщающим словом, причем ведет себя как слово широкой семантики, замещающая практически любой список слов). *В комнате на полу валялась всякая дрянь: окурки, наполовину исписанные листы, невымытые стаканы, бутылки с засохшей на их дне жидкостью.* Ср. также: **У нас работает дурак. Этот человек все понимает буквально.* Здесь недопустимо даже не само замещение, а прежде всего ненормативное употребление слова *дурак* (при нормальном *Он – крулый дурак*) или *У нас на работе есть один человек, который все понимает буквально. Этот дурак не воспринимает ни одной шутки*).

Примечание. Будучи помещенными в определенные условия, в которых эти слова теряют свой предикатный характер, они приобретают способность к замещению. В число таких условий входит введение слова в текст с помощью конструкции *Есть у нас.../Есть один... и т.п.*, например: *Есть у нас в институте один лицемер. Человек этот неспособен сказать правду в глаза даже тогда, когда это не грозит ему никакими неприятными последствиями; Есть у нас в городе одна красавица. Женщина эта даже не знает, что в нее влюблены все наши мужчины, начиная с безусых юнцов и кончая глубокими стариками.* Такой же эффект дает употребление слова в тексте в сочетании со словом *местный*: *За столиком в углу сидел местный завсегдатый* (ср.: **За столиком в углу сидел завсегдатый*). Меня познакомили с местным шутником и т.п.

В целом, имена людей настолько плохо приспособлены к замещению, что его результатом может быть разрыв анафорических связей в тексте, например: *На кафедре стоял проповедник. Мужчина был одет в серый костюм.* Существительные *мужчина* и *проповедник* воспринимаются как некорреферентные, а сами предложения – как принадлежащие, возможно, разным текстам.

К замещению неспособны многие названия артефактов, получающие в словаре энциклопедические определения. Особенностью энциклопедического определения, с нашей точки зрения, является его неструктурированность, отражающая, очевидно, характер самого артефакта или представления о нем. В энциклопедическом определении трудно выделить главную часть и дополняющие ее видовые признаки: фактически, энциклопедическое определение является перечислением признаков и часто требует при себе "картинки" – изображения референта, например: *оглобля* – одна из двух крупных жердей, укрепленных концами на передней оси экипажа и служащих для упряжки лошадей.

Для существительного, гребущего – в силу особенностей его референта – энциклопедического определения, невозможно найти такое родовое имя, которое служило бы его заместителем в связном тексте ср.: *Кучер нажал на оглобля. *Жердь не выдержала тяжести и сломалась.* В этом случае второе предложение явно недопустимо. Возможен и другой случай, когда замена слова, имеющего в словаре энциклопедическое определение, дает отношение "часть–целое": *шпора* – изогнутая по форме каблука стальная дужка с колесиками на конце, прикрепляемая к сапогу всадника и служащая для понукания лошади

Он ударил лошадь шпорой. Стальные колесики буквально вонзились в ее бока; На бойцовых петухов надевают шпору. Стальные колесики грозят одному из противников смерти)

Замещения не допускают кванторные слова, например, *опивки* (разг.) – недопьющие остатки чего-н. *Он и в кувшины сливал в кубики. *Остатки забирала тетя Валя.* Второе предложение допустимо лишь в том случае, если слова *опивки* и *остатки* воспринимаются как некорреферентные, т.е. если отвергается возможность восприятия слова *остатки* как замещающего слово *опивки*.

Еще один пример: *слиток* – застывший кусок расплавленного металла. *В тайнике у него было найдено несколько слитков серебра. *Куски оценили в пятнадцать тысяч рублей.*

В отношении частного–общего неспособны вступать слова, не являющиеся "чистыми" кванторами, но содержащие кванторы 'малый'/'большой' в своей семантике: *лавочка, лавка* – маленький магазин. *Мы зашли в лавку. *В магазин было совсем темно; монумент* – большой памятник. *На площади около нашего дома высится монумент. *Памятник поражает всех видящих его*

К этим существительным примыкают существительные, содержащие в своих значениях указание на "ранг" референта. Замещающие их слова воспринимаются как некорреферентные им: *метранпаж* – главный наборщик. *Подошел метранпаж. На борщик был чем-то озабочен.* Слова *метранпаж* и *наборщик* воспринимаются как обозначения разных референтов и легко допускают смену позиций: *На борщик был чем-то озабочен. (К нему) Подошел метранпаж.* Подобный же пример представляет слово *метрдотель*: *метрдотель* – главный официант. *Метрдотель вышел в зал. В руках у официанта было ведро.* В данном случае замещение настолько недопустимо, что нарушается не только корреферентность слов *метрдотель* и *официант*, но и сам текст воспринимается как несвязный.

Примечание. Замещение возможно для названия животных, в семантике которых есть квантор 'небольшой'. При этом в качестве замещающего используется слово в уменьшительной форме: *шпиц* – небольшая комнатная собачка. *Молодая женщина вела шпица на поводке. Собачка то и дело забежала вперед, чтобы заглянуть хозяйке в глаза.*

Замещение не допускается релятивными именами, например: *Ко мне часто приходил дед (для дяди) (брата).* *Этого родственника я очень любил

Примечание. Если релятивное имя допускает переосмысление как обозначение возраста (или же связывается с определенными возрастными категориями), оно допускает замещение: *Ко мне приходил дед. Старика я очень любил.* Обозначения людей по их возрасту могут выступать в качестве замещающих слов и в других случаях, когда существительные, не являющиеся релятивными, ассоциируются с какой-либо возрастной категорией, например: *По улице шли находимовцы (суворовцы) пионеры. Подростки громко пели.* Однако можно сомневаться в том, что данное замещение является гипо-гиперонимическим. *Старики* не включают *дедов* как подкласс; *подростки* не делятся на *нахимовцев*, *суворовцев* и *пионеров*. Можно предположить, что наблюдаемое нами явление правильнее считать не замещением, но повтором на основе общих коннотативных компонентов.

3.1.3. ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ НА ЗАМЕЩЕНИЕ

Под прагматическими ограничениями на замещение мы понимаем ограничения, связанные с коннотативными или ассоциативными компонентами значения слова (ср. употребление термина “прагматический” в [23]). Этот тип ограничений представляется нам одним из самых интересных: прагматические ограничения на замещение позволяют в целом ряде случаев увидеть в семантике слова иногда неизвестные прежде компоненты.

Прежде всего, неспособность слова к замещению может быть связана с расхождением оценочных компонентов замещаемого и замещающего слова. Например *крем* (косметическая мазь) связано с положительным представлением о креме как о чем-то придающем коже свежесть, эластичность, упругость. В то же время слово *мазь* связано с представлением об аптечной мази, то есть о чем-то неприятном, имеющем отношение к болезни. Расхождение оценочных компонентов значения слов *крем* и *мазь* не позволяют сказать поэту *Я купила польский крем.* **У мази оказался очень приятный лимонный запах.*

Слово *бабочка* определяется в словаре через слово *насекомое*, однако расхождение коннотаций слов *бабочка* и *насекомое* делает текст, в котором *бабочка* замещалась бы *насекомым*, невозможным: *Над цветами порхала бабочка.* **Я давно пытался поймать насекомое, но мне это никак не удавалось.* Для носителей русского языка слово *бабочка* ассоциируется с представлением о чем-то красивом, изящном; *насекомое* – с представлением о чем-то неприятном, некрасивом и, возможно, опасном. Поэтому ни слово *бабочка*, ни вызывающее ряд положительных ассоциаций слово *стрекоза* не могут быть заменены словом *насекомое*, и, очевидно, не включаются носителями русского языка в класс насекомых.

При тексте на способность к замещению часто обнаруживаются скрытые компоненты значений слов, также служащие препятствием к включению слов в один класс.

Хотя слово *утка* так же, как слово *синица*, определяется в словаре через родовое имя *птица*, только *синица* может быть замещено словом *птица* (*птичка*) в связанном тексте. По-видимому, для носителя русского языка слово *птица* связано с представлением о способности летать (ср. поговорку *Курица не птица...*). Поэтому нельзя сказать *По двору ходили индюки.* **Время от времени птицы начинали издавать какие-то гортанные звуки; В неглубокой луже плавали утки.* **Птицы пытались нырять, но из этого ничего не выходило; Куря наша себе укромное местечко в кустарнике.* **Там птица клала яйца тайком от хозяйки.*

Слово *птенец* применяется только по отношению к потомству диких (не одомашненных) птиц: *Скоро кукушата подросли. Птенцы выбросили из гнезд детей своих приемных родителей.* Но: *Из яиц вылупились цыплята.* **Птенцы скоро научились собираться по зову хозяйки.*

Слово *инструмент* выступает в качестве заместителя только для слов, обозначающих такие предметы, с помощью которых можно производить какие-либо

активные действия, вызывающие изменения в объекте, к которому они прилагаются. Поэтому, хотя в словаре слово *тиски* определяется как инструмент для зажимания обрабатываемого предмета, неверно *Сын хочет получить в подарок тиски*. *Он уже придумал, где будет держать инструмент.

Понятие *прибор* включает представление о сложности устройства (наличии какого-либо механизма или шкалы). Поэтому *лот*, *драга*, *лаг*, которые определяются в словаре как приборы, не воспринимаются носителями языка как таковые, и не могут замещаться словом *прибор* в тексте, ср. Он опустил лот в воду. *Прибор показал глубину большую чем 20 метров.

Слово *изделие* способно замещать названия предметов сложной формы. Поэтому нельзя сказать *Завод выпускает проволоку*. *Его изделие пользуется большим спросом при правильном. Недавно открылась фабрика, выпускающая изделия по французской лицензии. Ее изделия пользуются большим спросом. По-видимому, это же правило действует и для различных видов выпечки: *ватрушки*, *пирожки*, *торты* и т.п. могут быть названы изделиями, а *блины*, и *оладьи* – нет.

3.2. СЛОВА, СПОСОБНЫЕ К ЗАМЕЩЕНИЮ

При использовании избранного нами метода диагностики отношений общего-частного существительные, способные к замещению, образуют небольшие классы ("микроклассы"), например, *болезнь: золотуха, дифтерит, глаукома, ревматизм, ревмокардит, эпилепсия; врач: педиатр, хирург; войска: жандармерия; дорожка: трек; материал: кожа, огнеупоры, пенка, утеплитель; место: затишек, иконостас, лагерь, огнище, рубеж* и т.п. (первым в перечисленных группах стоит имя класса; после двосточия перечисляются члены класса, которые допускают замещение этим именем в тексте). Как видно уже из небольшого числа приведенных примеров, классы различаются количеством членов – от самых больших, таких, как *дерево* или *болезнь*, до минимальных, содержащих только один член, как *дорожка*. Наибольшее число членов включает такие классы, как *болезнь, вещество, дерево, животное, жидкость, звание, инструмент (приспособление), машина, место, народ, народность, наука, овощ, одежда, оружие, помещение, растение, специалист, ткань, устройство, ученый, учреждение, человек*. В предыдущей части работы отмечались сложности, связанные с замещением имен лиц словом *человек/люди*. Существуют, однако, группы имен лиц, легко допускающие замещение. Это, во-первых, названия лиц по роду занятий, замещающиеся словами *специалист, рабочий, ученый, врач, спортсмен*; во-вторых, это названия лиц по их болезням, замещающиеся словами *больной и пациент*, например: *В комнату вошел синоптик. Специалист появился у нас недавно, до этого он работал в Ташкенте; В цеху остался только слесарь. Рабочий стоял в своей замасленной спецовке; Арабисты собирались по пятницам. Ученые подолгу рассуждали о высоких материях и пили чай; У нас в поликлинике прекрасный педиатр. Врач умеет безошибочно поставить диагноз в самых сложных случаях; По телевизору показывали выступление известного прыгуна. Спортсмен не так давно перенес сложную операцию, но это не мешало его успеху; У меня на участке есть один тяжелый ревматик. Больного необходимо отправить в санаторий*. Можно предположить, правда, что легкость замещения этих имен лиц связана с тем, что классификация лиц по роду занятий, так же, как классификация по болезням, является вторичной, отражающей классификацию родов деятельности, научных дисциплин, профессий, видов спорта, болезней. Именно поэтому становится возможным замещение не словом *человек*, а словами *специалист, рабочий* и т.д.

Иными словами, в данном случае мы имеем дело не с классификацией имен лиц, но с классификацией иных категорий, спроецированной (наведенной) на лица.

Среди существительных, которые способны в связном тексте к замещению, т.е. способны вступать в отношения общего–частного, можно выделить различные группы во-первых, с точки зрения того, в конструкциях какого типа возможно замещение, а во-вторых, с точки зрения силы связи между замещаемым и замещающим словами. Эти две классификации лежат в различных плоскостях, и их результаты, по-видимому, не соотносятся друг с другом.

В то время как часть рассматриваемых существительных допускает замещение словами более общего значения в конструкциях любого типа, ряд существительных может замещаться только в предложениях, описывающих узуальные ситуации или в предложениях генерического, или гномического, типа, сообщающих какие-либо непреложные истины. И в том, и в другом случае и замещаемое, и замещающее имена не имеют конкретно-референтного статуса. Например, неверно: *Продавщица положила колбасу на весы. Перед этим прибор проверили в весовой.* Однако правильно: *Весы изобрели очень давно. Прибор был известен еще в древности.* Нельзя сказать: *Мне дали опять какую-то ужасную вилку. Этот столовый прибор совсем погнут.* Но можно: *Не так давно люди еще не знали, что такое вилка. Этот столовый прибор вошел в обиход только в прошлом веке.*

Замещение только в гномических предложениях допускают слова, входящие в классы (лигатурный) жанр, математическое понятие/величина, орган, покрытие, сплав, приспособление, свойство, состояние, спортивный снаряд, способ, устройство.

По типу связи с замещающими словами среди существительных, способных вступать в отношения общего–частного, выделяется группа имен, связанных более сильно и допускающих непосредственное замещение, как абрикос: *Я посадил в саду абрикос. Дерево росло быстро,* и группа имен, связанных более слабой связью, требующей при замещении дополнительного показателя кореферентности – местоимения *это*: *Он всегда ходил в блузе. Эта одежда не стесняла его; Абстракционизм подвергался нападкам с разных сторон. У этого направления искусства появились противники с первых же дней его существования.* Сопоставление списков имен классов, полученных при тестировании, показывает, что более сильный тип связи характерен в большей степени для конкретных существительных, в частности для имен естественных родов; более слабый – для абстрактных существительных, однако жесткого соответствия между типом связи видового и родового имени и принадлежностью существительного к классу конкретных или абстрактных имен нет².

Кроме имен лиц, требующих замещения словами *человек/люди* в сочетании с указательным местоимением, употребления этого местоимения требуют существительные, замещающиеся именами и словосочетаниями *акт, вид восприятия, вид живописи, вид искусства, вид описания/изучения, время, время года, глагольная форма, головной убор, голос, грамматическая категория, деятельность, единица длины, занятие, звук, знак, знак препинания, знак отличия, количество жидкости и т.п.), манера поведения, мера, мера веса, местность, метод, момент, мировоззрение, навык, наглядное пособие, направление, направление искусства, направление исследований, наука, обозначение, оборот речи, образ жизни, одежда, орган, особенность, раздел/отрасль/направление физики/языкознания и т.п., отношение, отрасль промышленности, период, политика, покррой, положение, помещение, рассуждение/способ рассуждения, род литературных произведений,*

² Некоторые группы существительных, требующих обязательного употребления указательного местоимения в анафорических структурах, указаны в [24].

рыба, свойство, событие, состояние, способ, способность, средство, сторона, телодвижение, территория, уважение, унастроение, форма правления, цена, часть чего-либо, черта характера, чувство.

Приведем для сравнения часть списка имен, которые связаны с замещаемыми словами более сильной связью, т.е. не требуют обязательного использования при замещении указательного местоимения: артист, бабочка, блуза, блюдо, болезнь, больной, брус, буква, величина, ветер, вещество, вещица, водка, водоем, водоросли, военный, воздержание, войска, волна, врач, время, газ, гнет, гриб, гудок, дар, движение, действие, дело (искусство), дело (занятие), дерево, десерт, деталь, дети, дисциплина (наука), договор, документ, должность, дорожка, доска, драгоценный металл, древние люди, еда, жанр, женщина, жетон, животное, жидкость, жилец, жилище и т.п.

Помимо преобладания, как уже отмечалось, в списке слов, выполняющих функцию замещения только в сочетании с указательным местоимением, абстрактных существительных, обращает внимание большое количество в этом списке имен классов, не являющихся универбами. Во многих случаях такие сложные имена классов представляют сочетание обозначения какого-либо понятия с единицами деления этих понятий (вид, манера, направление, раздел, отрасль и т.п.).

Все классы, полученные нами в результате тестирования, обладают двуступенчатой структурой:

Можно попытаться построить еще одну ступень иерархии, подвергнув теперь полученные имена классов тесту на замещение. При этом оказывается, что нужно строить новые микротексты, в которых имя класса выступало бы только как имя частного значения. Лишь в редчайших случаях связный текст допускает употребление трех имен, последовательно замещающих друг друга: *Л а в р о в и ш н ю посадили в большой цветочный горшок. Д е р е в ц е прижилось хорошо. За ним ухаживали по всем правилам науки, и на третий год оно стало плодоносить. И листья, и ягоды р а с т е н и я были удивительно красивы.* Однако и в этом случае не вполне ясно, имеем мы дело с трехступенчатой иерархией:

или же с двумя двуступенчатыми при одновременном включении слова лавровишня в два класса:

Во-видимому, проблема глубины или сложности иерархий имен в языке требует дальнейшего изучения.

4. ТИПЫ ОТНОШЕНИЙ ОБЩЕГО-ЧАСТНОГО

Полученный список групп имен, в каждой из которых существительные более частного значения подчинены существительным более высоких рангов абстракции, заставляет снова задаться вопросом, волнующим почти всех исследователей иерархических отношений в лексике, о котором мы писали в начале данной работы: тождественны ли отношения, существующие в каждой отдельно взятой группе между видовыми именами и родовым именем, стоящим в вершине? Иными словами, так ли соотносятся, скажем, *береза* и *дерево*, как *антоновка* и *яблоко*, *диван* и *стол*, или *отвертка* и *инструмент*?

В серии работ Гинзбурга-Крейдлила [12–15] с целью разграничения различных типов отношений между выше- и нижестоящими именами предлагалось использовать таксономические операторы — строевые элементы языка (каковыми считали их авторы; слова метаязыка, как представляется нам), указывающие в таксономическом предложении тип связи между именем объекта и именем класса, которому принадлежит объект: “вид”, “тип”, “род”, “элемент” и др. С этой точки зрения имена *береза* и *дерево* связаны одним типом отношений, так как могут быть употреблены в таксономическом предложении с оператором “порода”; *диван* и *мебель* и *отвертка* и *инструмент* представляют другой тип отношений, так как могут употребляться с оператором “вид”; а *антоновка* – *яблоко* – третий тип, так как допускают лишь оператор “сорт”, ср.:

Береза – п о р о д а (лиственных) деревьев

Диван – в и д мебели

Антоновка – с о р т яблок

При этом, по мысли Гинзбурга-Крейдлила, чтобы не просто разграничить различные типы иерархических отношений, но раскрыть суть различий между ними, одновременно раскрывая суть отношений между связанными подчинением именами, следует описать значение каждого из операторов. Процедура, предложенная авторами данной серии работ, позволяет построить сеть разнообразных таксономических отношений для многих, но не для всех единиц языка; неясно кроме того, являются ли в действительности установленные отношения естественно-языковыми (подробнее анализ данной точки зрения см. [17, с. 34], [1, с. 31–36].

Специфицировать отношения между видовым именем и именем класса позволяет косвенным образом и База данных (БД) “Предметные имена” экспертной системы “Лексикограф” (см. [6]). Каждому имени в БД “Предметные имена” приписан, помимо имени класса, так называемый типичный предикат, при котором указывается, помимо данного имени, и другие его актанты. Так, и *нора* и *берлога* соотносятся в БД с именем класса “углубление” “Типичный предикат”, *берлоги* – *спать* [с 1-м (субъектным) актантом *медведь*] позволяет противопоставить ее *норе*, для которой “типичный предикат” – *жить*, а субъектные его актанты – *лиса*, *барсук* и др.; тем самым отношение “*нора* – *углубление*” может быть противопоставлено отношению “*берлога* – *углубление*” Неясно однако, является ли имя класса естественно-языковым или словом метаязыка, как устанавливается типичный предикат – характеризует он сочетаемость имени или же является метаязыковым, т.е. возникают возражения во многом, подобные тем, которые вызывали работы [13–15].

Представляется, что характер отношений между выше- и нижестоящим именем можно раскрыть через признаки, отличающие подчиненный терм от подчиняющего, используя при этом диагностические естественно-языковые контексты. Их роль могут сыграть контексты, в которых имя объекта является антецедентом имени класса с рестриктивным определением. Определение компенсирует разницу в семантическом объеме имени объекта и имени класса и выражает один из признаков, по которому данный и подобные ему объекты составляют подкласс данного класса:

Над поляной порхали о г н е в к и. Пестрые бабочки то на мгновение замирали на цветах, то вновь начинали свой танец.

В логических классификациях для объединения объектов в подкласс может использоваться более, чем один признак; однако в языке отнюдь не все признаки получают выражение. Более того, в классификации, осуществляемой естественным языком, могут использоваться вообще другие, “нелогические” признаки. Хотя *береза* отличается от других деревьев такими признаками, как наличие листьев (лиственное дерево, а не хвойное), их формой (сердцевидные) и цветом коры (белая), рестриктивные определения при слове *дерево*, антецедентом которого является слово *береза*, могут характеризовать только цвет ее ствола и общие очертания: *На краю леса стояла береза. Белоствольное стройное дерево казалось светящимся.*

Для некоторых имен объектов признаки, по которым осуществляется классификация, вообще не имеют выражения. Так, в языке не выражается различие между разными инструментами – *ланцетом, отверткой, ножом* и т.д. Выражается лишь противопоставление группы режущих инструментов в целом – группе нережущих (*дрель, сверло* и т.п.), так как имена режущих инструментов могут быть антецедентами слова *инструмент* с определениями *острый/тупой*, производными от функции “резать” (или от типичного “предиката использования” по Е.В. Рахилиной). Кроме того, все множество хирургических (или вообще медицинских) инструментов противопоставляется прочим инструментам по типу материала, из которого они изготовлены, ср.: *Врач разложил на полотенце блестящие инструменты.*

При этом для указания на особый тип металла, из которого делаются медицинские инструменты, используется его вторичный признак – внешний вид (цвет).

Логическая классификация предполагает разбиение множеств на подмножества, классов на подклассы по одному основанию. Исследуемые контексты свидетельствуют о существовании иных принципов классификации, при которой для разбиения множеств на подмножества используются разные признаки, причем они отбираются произвольно и напоминают метки или приметы, удобные для носителей языка: например, если *береза* выделяется по цвету ствола, то *дуб* – по форме кроны (*раскидистое дерево*); *мотоцикл* – по числу колес (*двухколесная машина*), а *жатка* и *комбайн* – по функции (*уборочные машины*). Таким образом, основанием для объединения в группу в естественном языке, отражающем наивное сознание, служит не логика рациональной (восходящей к Аристотелю) классификации, но “семейное сходство” (Витгенштейн). Возможно, что признаки, по которым выделяются “семьи” – это наиболее заметные для носителей языка признаки, которые в когнитивной психологии называются салиентными, от англ. *salient* (как выдающаяся нижняя губа у представителей династии Габсбургов). Не случайно все или почти все эти признаки – внешние, воспринимаемые органами чувств человека.

В когнитивной психологии высказывается гипотеза о том, что для категоризации различных по своей природе объектов используются разные признаки: основанием для категоризации артефактов является функция, а для классификации представителей естественных родов – признаки, связанные с особенностями хромосомно-молекулярной структуры (размер, цвет, форма и т.д.). Предполагается, что это противопоставление универсально.

Диагностические контексты не подтверждают существования в языке полностью противопоставленных принципов категоризации артефактов и представителей естественных родов. При именах классов артефактов могут указываться такие признаки, как размер, цвет и форма: *Он был в с м о к и н г е. Черный облегающий с ю р т у к оттенял бледность его лица.*

В то же время при именах классов естественных родов может указываться такой признак, как вкусовые ощущения, что косвенно связано со съедобностью – функциональным признаком и с предикатом использования *есть*: *Анна клала в рот з е м л я н и к у. Сладкие я г о д ы окрасили ей губы.*

5. НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Картина, полученная нами в результате диагностического определения способности слов вступать в отношения общего–частного, достаточно сложна. Как оказалось, часть слов вообще не входит ни в какие классы, часть включается в микроклассы, представляющие двуступенчатые иерархии. Включение слова в класс определяется тем, соответствует ли функционирование слова в тексте ряду правил: слова, способные к замещению именами классов, должны одновременно обладать способностью выступать в функции ремы в тексте, а замещающие их слова – в функции темы. Помимо этого, ряд слов способен выполнять функцию замещения только в сочетании с указательным местоимением. Таким образом, отношения общего–частного представляются прежде всего отношениями текстовыми и, соответственно языковыми, а не логическими. Насколько полученная нами картина универсальна, может показать сопоставление с классными системами других языков. Однако с уверенностью можно говорить об универсальности языковой природы этих отношений: "...пусть даже в основе классификации лежит понятийная группировка или метафизическое ранжирование окружающего мира, как иногда полагают, за каждой лексемой закреплен определенный показатель класса, превращающий ее в грамматический факт, локализованный в грамматическом пространстве, семантические признаки которого играют роль Декартовых координат. Классная принадлежность имени всегда является его постоянной характеристикой, которая по возможности должна иметь эксплицитное выражение в структуре предложения" [26].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фрумкина Р.М. Семантика и категоризация. М., 1991. Гл. 3.
2. Михеев А.В. Структура концептуальных классов и работы Э. Рош // Экспериментальные методы в психолингвистике. М., 1987. С. 45–46.
3. Фрумкина Р.М., Мостовая А.Д. Семантические отношения на именах конкретной лексики: опыт описания // Экспериментальные методы в психолингвистике. М., 1987. С. 89.
4. Рюмина Н.А. Изучение семантики "конкретной" лексики психолингвистическими методами. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975.
5. Никитина С.Е. Устная и народная культура и языковое сознание. М., 1993. С. 82.
6. Красицкий С.И., Рахилина Е.И. Предметные имена в системе "Лексикограф" // НТИ. Сер. 2. М., 1992. № 9.
7. Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога (концепт, категория, прототип) // НТИ. Сер. 2. М., 1992. № 3. С. 5.
8. Лебедева Л.Б. Типы семантических связей слов в современном английском языке (антонимия, синонимия, гипонимия). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977.
9. Paragaj B.C. Word expert semantics. An interlingual knowledge-based approach. Dordrecht: Reverton, 1986.
10. Степанов Ю.С. Иерархия имен и ранги субъектов // ИАН СЛЯ. 1979. № 4.
11. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей "Смысл – текст". Семантика, синтаксис. М., 1974.
12. Кириченко Н.Л. Включение – один из видов связи объектов в тексте // Семиотика и информатика. Вып. 2. М., 1971.
13. Гинзбург Е.Л., Крейдлин Г.Е. Родо-видовые отношения в языке (таксономические операторы) // НТИ. Сер. 2. М., 1982. № 8.
14. Гинзбург Е.Л., Крейдлин Г.Е. Родо-видовые отношения в языке (лексические и семантические варианты видовых операторов) // НТИ. Сер. 2. 1982. М., № 10.
15. Гинзбург Е.Л., Крейдлин Г.Е. Родо-видовые отношения в языке (словообразование, таксономия и оценка) // НТИ. Сер. 2. М., 1993. № 11.
16. Русская разговорная речь. Тексты / Под ред. Земской Е.А., Капанадзе Л.А. М., 1978.
17. Розина Р.И. Таксономические отношения в лексике (таксономическое предложение как диагностическая конструкция) // НТИ. Сер. 2. М., 1984. № 10.
18. Падучева Е.В., Успенский В.А. Подлежащее или сказуемое? (Семантический критерий различения подлежащего и сказуемого в биноминативных предложениях) // ИАН СЛЯ. 1979. № 4.

19. Саввина Е.Н., Кодзасов С.В. Общие свойства сочинительных конструкций // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987.
20. Розина Р.И. Союз как идентификатор семантического класса // Семантика служебных слов. Пермь, 1983.
21. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981. С. 67–71.
22. Борщев В.Б., Кнорина Л.В. Типы реалий и их языковое восприятие // Вопросы кибернетики: язык логики и логика языка. М., 1990.
23. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974. С. 68.
24. Головачева А.В. Идентификация и индивидуализация в анафорических структурах // Категория определенности–неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979.
25. Морфонология и морфология классов в языках Африки. М., 1979. С. 107.